

P 156
R 541

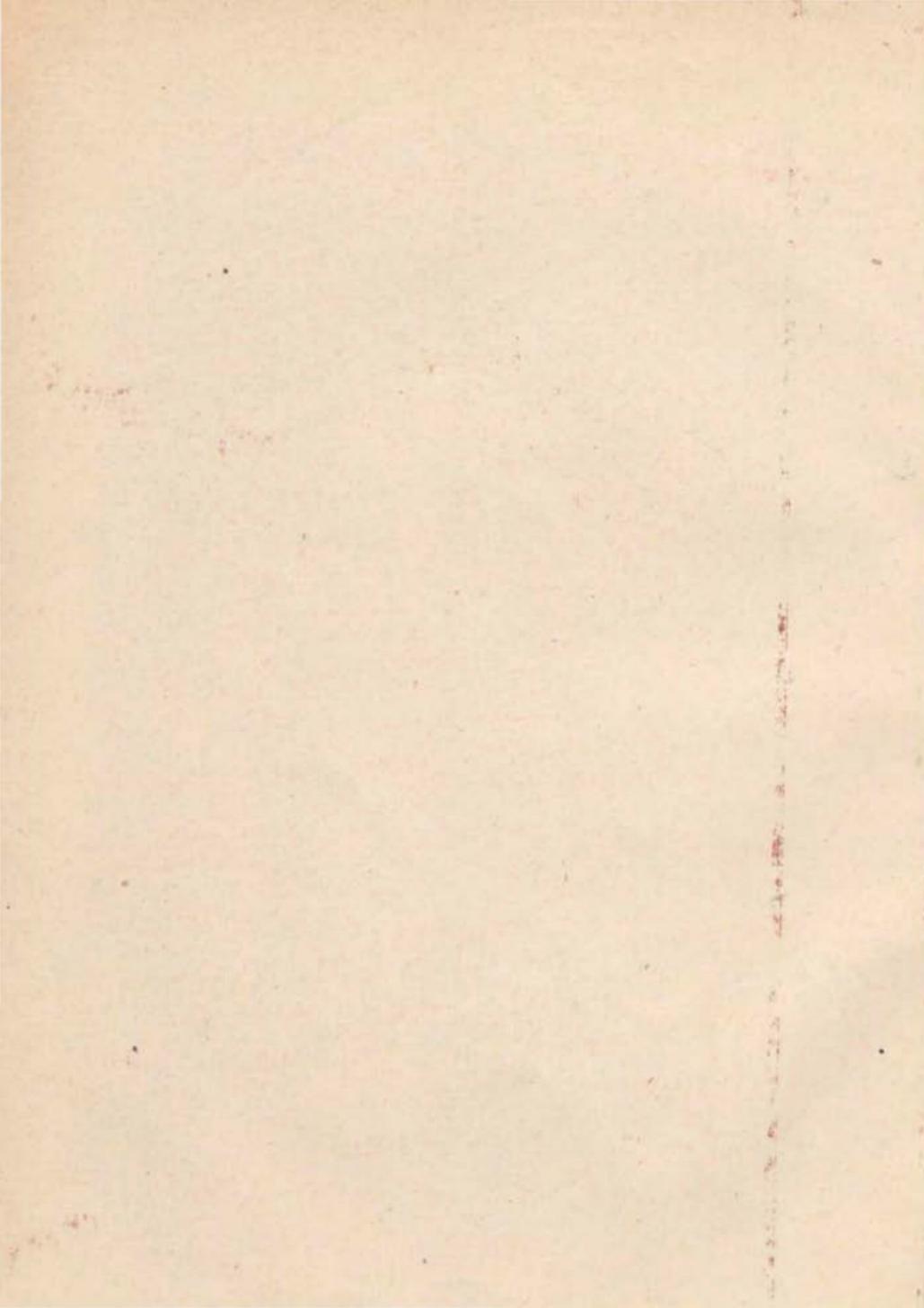
С. СЕРОВ и Л. ЛЕБЕДЕВ

В $\frac{156}{541}$

МОЛОДЕЖЬ

СУДЕ

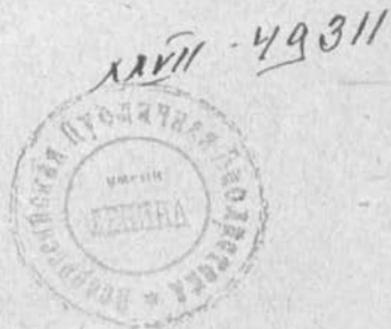
156
541

Л. ЛЕБЕДЕВ и С. СЕРОВ

МОЛОДЕЖЬ НА СУДЕ

СУДЕБНО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

С 4 рисунками

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Москва 1927 Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Гнойник	7
Как рождается бандитизм	12
«Кореньковщина»	18
Деникинец Джигирь	25
«Свободная комсомольская любовь»	31
Кулачье в борьбе с комсомолом	37
Темные силы — попы и мракобесы	43
Завсегдаги «Стойла Пегаса»	52
Отцы и дети	55
Судьба Владилена	57
Сын пятерых отцов	60

Главлит 97299.

Тип. „Эмес“ Москва

Тираж 5000.

2007337489

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дела о преступлениях молодежи, проходящие перед советским судом, крайне разнообразны и отличаются большой пестротой — от контрреволюционных преступлений густопсовых белогвардейцев до дел мелких воришек, крепко втянувшихся в «блатную жизнь». Часто также перед судом проходит молодежь рабочая и крестьянская, оторвавшаяся от своей среды, работы, общественной жизни и основного ядра — комсомола, и пошедшая по скользкому пути преступлений.

Задача пролетарского суда здесь крайне сложна: не покарать свихнувшегося парня, значит потакать дальнейшим поступкам не только его, но и других — «ишь ты, он его исковеркал, а суд условно дал, значит вали, ребята».

С другой стороны, при несовершенстве нашей карательной системы, при общих с уголовными преступниками местах заключения такой, впервые совершивший преступление, парень втягивается в среду повседневных обитателей уголовного мира и здесь окончательно разлагается. При разборе дела, по которому обвиняемый — несовершеннолетний или вообще молод, суд должен с особой тщательностью и осторожностью выносить при-

говор, помня, что перед судом не неисправимый преступник — вредный член общества, а несчастный, свихнувшийся человек, который при умелом подходе суда может быть исправлен и сделаться полезным гражданином Республики Советов.

Только к преступникам из чуждого нам лагеря, выходцам из класса буржуазии, только к особо социально-опасным наш суд применяет самые суровые меры воздействия, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела.

Если установить предельный возраст молодых обвиняемых в 23 года, то самое большое количество обвиняемых будет привлекаться по 176 ст. Угол. Код. (старой редакции), карающей за хулиганство.

Хулиганство порождает бандитизм. Приводимые здесь дела чубаровцев и братьев Кореньковых дают наглядный пример этому: Социальные корни этого явления надо искать в культурной отсталости некоторой части нашей молодежи, слабой работе комсомольских и просветительных организаций, в частности клубов, не всегда могущих втянуть в орбиту своего влияния молодые силы. В деревне развитию хулиганства содействует также большое количество свободного времени, невозможность использовать свои силы на производительной общественно-полезной работе.

Специфическим явлением, часто не доходящим до суда, является оскорбительное поведение по отношению к людям — товарищам и в особенности девушкам. Такие выражения, как «лахудра», «стерва», вопли в разговорный обиход рабочего парня. А от слов недалеко и до дела. Сначала по плечу, а потом, «ежели не уважила», то можно полоснуть и чем-нибудь острым. Эти люди в

любой момент могут стать на путь насильника и убийцы. Наша задача — своевременно разоблачить, обезвредить и изолировать таких людей от здоровой части рабочей молодежи.

Круто приходится передовой молодежи в деревне. Кулачье, попы и несознательная часть крестьянства.

... Часто перед судом проходит молодежь рабочая и крестьянская, оторвавшаяся от своей среды, работы и основного ядра — комсомола и пошедшая по скользкому пути преступлений

находящаяся на поводу у богатеев, идут против строителей новой жизни. Кулачье мстит за потерянное благополучие и за утраченную власть. Отсюда — дикие расправы с селькорами и отдельными представителями передовой молодежи.

Нет никакого сомнения в том, что с развитием производительных сил страны преступления, т.е. социально-

опасные действия отдельных молодых преступников будут изжиты. Сейчас советская общественность, авангард молодежи — комсомол борются с бытовыми преступлениями, и советский суд окажет здесь огромное воздействие не только карательными, но и воспитательными мерами.

Гнойник

От старого беспросветного царского времени у нас до сих пор остался еще несведенный со здорового тела республики чирый-гнойник. Это—антисемитизм. Где меньше культуры, где меньше молодых сил, где меньше света,— там в темных уголках зреет этот гнойник. О нем долго не говорят, о нем не думают, вернее — стараются не думать, но вдруг он лопается, течет гной, тогда спохватываются, и начинаются «охи-ахи» и соболезнования.

«Жида пролезает всюду».

Они хотят работать на производстве, хотят пахать землю, хотят учиться. Хотят честно работать, хотят жить так, как живут сотни тысяч рабочих и крестьян Советской страны.

И советское правительство не делает разницы между трудящимися. Нам безразлично, кто он: татарин, поляк, самоед или великоросс. Каждый имеет право на труд. Но не все еще думают так...

В глухом уездном городке, бывшем селе Середи, Иваново-Вознесенской губернии, окруженном темными деревнями, думали иначе. Когда на фабрику был принят учеником 18-летний беспризорный Бейрах, говорили: «Ишь ты, жиденок Бейрах в ученики полез, а кругом у крестьян детишек ни одного на фабрику не

возьмут!» И никто не вспомнил, что у крестьянских детей на худой конец есть теплая хата и кусок хлеба, а у ученика Бейраха в прошлом — вшивые лохмотья и в виде промысла игра на инструменте, именуемом в обиходе «деревянными ложками». За пребывание в учениках середской мануфактуры, за то, что отец и мать Бейраха были евреи, он заплатил своей кровью и полугодовыми моральными и физическими мучениями.

На показательном процессе на скамье подсудимых — семь рабочих мануфактурной фабрики. Кандидаты и члены партии. Мастер Смирнов признает себя виновным в истязании Бейраха.

— Но я шутил, — говорит он.

Под шутками этот почтенный «товарищ» понимает постоянные побои, обливание Бейраха водой и пытку индуктивным током. Для этой цели истязатели имели специальную электрическую машинку, при помощи которой мучали новичков.

Слово «антисемитизм» Смирнов не понимает, но «жидов» не любит крепко. За что — тоже не знает. Уверен, что все вожди — евреи, и среди них, конечно, Сталин и Бухарин тоже.

Когда избитый Бейрах лежал на полу, Смирнов не потрудился помочь ему.

«Вот еще, притворяется, они, как кошки, живучи, хоть с пятого этажа бросай».

Политически этот «коммунист» совершенно не развит. На вопрос прокурора «зачем вы вступили в партию?» — молчит.

Другой истязатель, Мельников, тоже член партии, несколько в другом роде. Этот хитрей. Когда избитый, изувеченный Бейрах лежал в больнице и советская

печать подняла шум, вооружая общественно-пролетарское мнение против Смирновых и Мельниковых, последний бегал к прокурору «объясняться» и подавать жалобу на прессу.

— Пусть замолчат: я коммунист.

Мельников, ловко увертываясь и укрываясь за других, делал Бейраху всякие пакости, утверждал, что «Бейрах не умел себя поставить серьезно», не имел достаточно физической силы, чтобы противодействовать этой шайке, не мог, не умел, как ему это советовали, «тяпнуть хорошенько кого-нибудь чугуном по голове, раз не дают жить». Это Мельников говорит: «Выпустишь кому-нибудь немного крови, а говорят — ведро». Судился за хулиганство. Как мог он попасть в партию, и что он там собирался делать?

На это нет ответа.

Дальше два буяна, драчуна и хулигана—Воронин и Скворцов. Большой физической силы. Про Скворцова, например, Бейрах говорил:

— Как ему сопротивляться? Он — здоровый такой... Кости может поломать.

Чувствовали себя безответственными и безнаказанными, потому что за спиной у них отцы. У Воронина— директор фабрики, у Скворцова — зам. главного механика. И для обеления этих двадцатилетних детей отцы взяли вкладчину дорогого «адвоката» Александрова, который тоже называл гнусное преступление шуткой.

За этими сыновьями еще два подсудимых — мастера Щетнев и Касаткин. Оба—пьяницы и вымогатели. Брали у подчиненных им учеников деньги на выпивку. Даже по известной таксе. Это называлось у них «магарычом».

И седьмой подсудимый — Цветков, «обметальщик электрических проводов». Видел, что другие дают и выдвигаются. Захотел и сам, чтобы заметили, выдвинули. Дал. Взяли. Но не заметили. Активного участия в глумлении над Бейрахом не принимал. Только смотрел и утешался. Как это занимательно!

Это избиение, окончившееся так плачевно для истязателей, было из-за куска сахара, который, якобы, украл Бейрах. Били Бейраха долго и злобно. Под конец, когда в помещение на крик зашел помзавхоза Пучков и отправил ученика в больницу, все подсудимые недоумевали:

— Из-за жиденка столько неприятностей!

Да не только подсудимые, но еще значительная часть рабочих фабрики плохо понимает, в чем дело. Масса, старые рабочие не могли быстро разобраться в сущности вопроса, не всем еще ясно, кому на руку национальная вражда и кто ее использует. Не всем ясно, что за спиной несознательных истязателей стоит более могущественный враг трудящихся. Одним бейраховским процессом не раздавишь гнойника антисемитизма. Только культурной повседневной работой мы сможем уничтожить антисемитизм до конца.

Можно оставить в стороне дело Бейраха. Можно сослаться на то, что продолжавшиеся около года истязания на фабрике были рабочим неизвестны, хотя помещение, где это систематически происходило, где был постоянно шум, крики, отделено от хозотдела фабрики тонкой досчатой перегородкой. Пусть ничего этого не слышали, ни о чем не знали. Но на суде выяснили пьянство, бесчинства, безобразия и вымогательства электриков. На суде была замечательная «электротехническая

школа», где учили колотушками и взятками, где учителями были невежественные мастера. На суде выяснилось, что на фабрике были отцы и дети — Воронины, Скворцовы, что, когда Бейрах «выдержал победу», испытание, и фабком нашел необходимым дать ему «прибавку» жалованья, эта прибавка попала — по решению администрации — в руки Воронина-сына. Известно ли это было Воронину-отцу? Известно ли было вообще и администрации, и фабкому, какие порядки на фабрике? Известно ли было, что мастера пьют и горькую, и портвейн, и «ханягу», а за делом не смотрят, подмастерьев своих разлагают? Есть ли какое-либо объяснение тому, что и фабком, и администрация, и хозотдел «умыли руки», совершенно укрылись, спрятались, отстранились от дела Бейраха?..

Сейчас, когда дело Бейраха отошло в прошлое, нужно позаботиться о предотвращении таких дел в будущем; не о новых процессах, не о репрессиях, наказаниях, а о той громадной культурной, общественной и пропагандистской работе, которая необходима в темных углах, подобных Середи.

Как рождается бандитизм

Чубаровское дело затрагивает огромные социальные вопросы. Оно касается вопросов быта и жизни миллионов трудящихся нашего Союза, касается вопроса о нашей молодежи, нашей трудовой смене. Этот процесс показал, что даже в таком крупном центре, как Ленинград, есть еще звериные уголки, где царит старый быт насилия и поножовщины.

Но перейдем к самому делу.

Страшное, опасное место — Чубаров переулок в Ленинграде. В праздники здесь — крик, шум, ругань, драки. Это — толкучка.

А в обычные дни Чубаров переулок — самый тихий, самый пустынный уголок огромного города.

Когда-то, до революции, в нем был центр торговли женским телом. Весь почти переулок был занят домами терпимости, кабаками и подозрительными ресторанчиками. Тут шло пьяное веселье и хулиганство от раннего утра и до поздней ночи. Чубаров переулок был первым оптовиком по доставке трупов в Обводный канал...

После революции дома терпимости закрыли. Переулок затих, впрочем только днем. Ночью там насильовали женщин, избивали «фраеров» и случайных прохожих. Любимым местом для этого был сад Сан-Галли. Нередко

ночью из этого сада слышались крики очередных жертв лиговских хулиганов. В сад Сан-Галли по ночам завлекались проститутки. Их насиловали, избивали, грабили и выбрасывали через особый «потайной» ход в заборе на улицу.

Эти «маленькие случаи» бывали часто, пока они, наконец, не вылились в одно большое событие, которое прогремело по всему СССР, возмутило рабочую совесть и вырвало из десятков тысяч грудей гневный крик:

«Смерть насильникам!»

Случилось это в середине 1926 года. Поздно вечером по Чубарову переулку, направляясь к себе домой, шла молодая девушка Б-ва. Она приехала в Ленинград учиться. Поступила на работу, но вместе с тем усиленно готовилась к экзаменам в вуз.

На улице темно. Страшно одной идти, и Б-ва, боязливо оглядываясь, все ускоряет свои шаги.

По Чубарову переулку уже шныряли небольшими группами хулиганы. Несколько «ребят», заметив Б-ву, пошли за ней. Перепуганная девушка ускорила шаги, но... было поздно. На углу Предтечинской группа хулиганов преградила ей путь. К ним подошло еще несколько человек. Все были пьяны. Причиной этого пьяного веселья оказались... похороны товарища. Сначала выпили на поминках, а потом продолжали попойку в пивной. С диким, торжествующим хохотом, с грязными насмешками вся ватага напала на беззащитную девушку. Цетно она умоляла оставить ее, отпустить домой!

— Не бухти! — грубо огрызнулись хулиганы на просьбы Б-вой. — Будешь горло драть, кишки наружу выпустим...

И не успела девушка опомниться, как она уже очутилась в саду Сан-Галли, с завязанным грязной тряпкой ртом. Вокруг нее собрались около 30 человек, среди которых были не одни только отпетые хулиганы...

Кто-то установил очередь, кто-то следил за порядком. Девушка потеряла сознание, ее избивали, чтобы «оживить» на время, и она снова впадала в беспамятство.

Несчастную отпустили только в 3 часа утра. Еле добралась Б-ва до милиционера, которому рассказала о насилии, но в ответ услышала:

— Не мой участок, гражданка...

Второй милиционер оказался более сознательным, чем первый. Сразу же было поднято на ноги все отделение милиции. И уже к утру несколько насильников было изловлено. Затем обнаружили остальные...

Вся рабочая молодежь всколыхнулась. В течение нескольких дней было вынесено несколько сотен резолюций, требующих сурового наказания зверским насильникам.

Так возник этот процесс.

На скамью подсудимых угодило 26 человек, среди которых было несколько комсомольцев. Все обвиняемые держатся крайне развязно, даже гордо и независимо. Они пытаются улыбаться. Но какие это жалкие и кривые улыбки! Под внешним, напускным молодечеством—глубокий испуг и тоскливая безысходность.

О приводах, о судимости за воровство на своем родном заводе они рассказывают так, как они сообщали бы о своих рабочих номерах, о профсоюзных билетах.

Раскаиваются ли они, стыдятся ли своего поступка? Нет, они просто не видят, не понимают своей вины.

Насильники перепуганы и смяты. Их волнует лишь одно:

— Стенка или не-стенка?!

Преступление же само — это обычно, это буднично, и ничего здесь «особенного» нет.

Приводы чубаровцам создают ореол молодечества, а кражи считаются храбростью. Этим молодечеством, этой храбростью козыряют чубаровские хулиганы в обещанный перерыв перед товарищами и в пивной — в пьяном, буйном угаре.

А потом трусость, наглая лживость, поганая хитрость и увертывания.

Совершенно не считаясь со своими показаниями, данными ими на предварительном следствии, насильники отговариваются, лгут, сваливают вину, друг на друга.

Таков метод их хулиганской защиты. Трусую нужно защищаться, нужно во что бы то ни стало, всеми возможными путями выпородить себя из дела.

— Сознаться? Раскаяться? — об этом даже и не думают. Да ведь так и должно быть: хулиган — трус. Трусость — его сущность.

На суде выясняется, что 50-летнему подсудимому, рабочему с завода «Кооператор», насильники «оказали уважение». Во время насилия «дядю» почтительно пустили вне очереди. Выясняется и другая подробность. Это то, что бывший организатор коллектива ВЛКСМ завода «Кооператор» Кочергин, Константин использовал свое служебное положение и распространил в комсомольских кругах ложные слухи, что Б-ва — проститутка.

Этот «комсомолец» угодил на скамью подсудимых вместе со своим братом, участником-организатором насилия над Б-вой.

Один за другим проходят перед судом «герои» чубаровского дела, и с каждым новым показанием видно, как глубоко и прочно засел в них старый быт, старые хулиганские повадки. Почти ни один из насильников себя виновным не признает. Каждый придумывает какую-нибудь причину для оговорки: или пьянку, или беспамятство, большинство же лживой, грязной клеветой, как щитом, пытаются скрыть свою вину.

— Она проститутка, — говорят одни.

— Сама согласилась, — рассказывают другие.

— Баба, она не человек, — цинично резюмируют остальные.

Самый младший из подсудимых — Наумец, 17 лет, но ему может позавидовать самый отъявленный хулиган. Наумец, один из активных участников чубаровского насилия, носит кличку «Клоп». Держит себя нараспашку, каждый вопрос суда вызывает у него улыбку.

— Ни разу не лгал, — заявляет Наумец суду и... тут же лжет.

— Что такое проститутка?

— Не знаю, никогда о них не слышал. Я увидел, что Кочергин идет под руку с девушкой в сад. Я хотел выяснить, зачем они так поздно идут в сад, — наивно рассказывает Наумец...

Суд выясняет, что Наумец позвал насильника Рощина и других друзей в сад Сан-Галли «на дело».

Виктор Гулин, 18 лет, так оправдывается:

— В сад попал случайно: я только стоял и наблюдал. Насилием распорядились трое: Михайлов, Кочергин и Осипов. За очередь дрались, ругались; девушка умоляла отпустить, ее не слушали.

— Я, — утверждает Гулин, — посмотрел это и пошел домой.

Суд выясняет, что Гулин также принимал участие в насилии... Среди насильников оказалось несколько больных венерическими болезнями. Они заразили и Б-ву. Болезнь обнаружилась у нее через несколько дней, и потерпевшую пришлось отправить в больницу.

Свидетельскими показаниями, перекрестным допросом и документальными данными суд разоблачил всю дикую, возмутительную по зверству картину насилия. Чубаровский гнойник был вскрыт полностью. И своим суровым, но справедливым приговором суд ударил по отживающему старому быту. Ни один насильник не избежал наказания, и 7 главных зачинщиков были приговорены к расстрелу.

Приговор явился предостережением всякому, кто дерзнет посягнуть на советский правопорядок, в том числе хулиганам и бандитам.

Что же может советская общественность противопоставить хулиганствующей молодежи, переходящей на путь опасного преступника, на путь насильника? Один ответ: надо добиться не на словах, а на деле, чтобы революция, разрушающая гнилые традиции недавнего прошлого, осветила ярким светом Чубаровы переулки, создала ряд клубов, театров и других культурно-просветительных учреждений. Мало было внимания уделено ячейками комсомола делу вовлечения отсталой части молодежи в активную работу. Эту часть молодежи надо прежде всего отвлечь от разлагающего влияния улицы, со всеми ее пороками, таящей в себе гнилое наследие прошлых лет.

Это большая, но вполне осуществимая задача.

«Кореньковщина»

Из бандитских дел особого внимания заслуживает дело братьев Кореньковых и Смирнова. Оно поистине необычайно по составу преступников, из которых двое Кореньковых были членами комсомола, студентами Горной Академии.

Прежде всего нужно установить, что среди учащейся молодежи есть небольшая группа зараженных старыми буржуазными привычками. Особенно ярко эти привычки выявляются в отношении к женщине. Здесь на сцену появляются старые затасканные теории «о легкости взаимоотношения полов», «власти тела», так талантливо преподносимые апологетами мещанской мысли — Арцыбашевым и Амори, а также рядом других писателей соответствующего жанра. Естественно, что не только по отношению к женщине, но и в отношении *ко всему и ко всем* эта легкость проявляется то в виде наплевательского отношения к работе и учебе — «сдал и слава богу», то к чужим вещам — «я твою книгу порвал, злишься, вот дурак, собственник, книжку жалко!» Общественная жизнь — тоже буза:

— Мы революцию делали, а тут собрания, очень кому надо! Вот в Китай поедем!

Постепенно такой кружок учащихся отходит от товарищей, от ячейки; он живет своей жизнью, вовлекая в свои сети новых и новых легкомысленных и мягкотелых ребят. В кружке водка заменяет книгу, попойка в веселой компании—ячейковое собрание.

И беда, если кучка таких бузотеров и безответственных негодяев влезет в какой-нибудь руководящий орган

...Процессе привлек массу слушателей — не постоянных судебных заседателей, а учащейся молодежи

вуза. Начнется такое «руководство», что, как говорится, святых вон выноси. Только жестокие и решительные меры могут устроить негодяев и во-время заставить прекратить разложение пролетарской студенческой среды.

Зерно «кореньковщины» зародилось также в теплой компании друзей Константина Коренькова. Хорошо, что

зерно попало не на плодородную, а на «горную» почву Горной Академии. Хорошо, что горняки, хотя и с большим трудом, но выбросили это зерно, расцветшее ярким, кровавым цветом убийства, антисемитизма и пьянства. Суд должен был дать, говоря словами прокурора, на этом процессе «оглушительный залп по кореньковщине».

Неудивительно, что процесс, несмотря на 20° мороз, привлек массу слушателей — не постоянных судебных завсегдатаев, а учащейся молодежи, главным образом, студентов и рабфаковцев Горной Академии. Неудивительно и то, что у слушателей нет специфического интереса, присущего каждому делу, в исходе которого реально виден смертельный финал.

Сам факт убийства жены кассира проходит как-то второстепенно, и суд ему уделяет мало времени, да и сам факт не сложен.

9 мая прошлого года в квартиру кассира Петрова, находящуюся в здании Академии, вошли трое молодых людей, один из них с револьвером. Пришедшие потребовали ключи от кассы. Когда старик Петров не захотел их им дать, двое молодых людей набросились на него, стали душить; один из них ударил кассира ножом в горло, и последний потерял сознание, захлебнувшись в собственной крови. Рядом третий преступник душил жену Петрова, — потерявший сознание Петров слышал ее предсмертные хрипы. Когда он очнулся, рядом лежала задушенная жена, а ключи от кассы были взяты. Петров выбежал с криком:

— Жену убили, спасайте кассу!

Студенты, бывшие в этом же корпусе, бросились к кассе и увидели трех обвиняемых, выбежавших из кассовой комнаты. Последние смешались с толпой и двое

успели уйти, один же был задержан и оказался Константином Кореньковым, признавшимся в совершенном преступлении. На другой день были задержаны Андрей Кореньков и Смирнов. Перед тем, как быть арестованными, убийцы спокойно завтракали у приятеля-студента бутербродами с ветчиной и шутили. Деньги—2.141 руб. 26 коп.—у них были найдены.

Все очень просто, ясно, как на ладони, и если бы перед судом были обыкновенные профессионалы-бандиты, дело прошло бы незамеченным. Но поскольку убийцы—комсомольцы-студенты, поскольку у одного из них, Константина Коренькова, была трагическая и темная история: самоубийство Ривы Давидсон—дело приобрело большой общественный интерес. В самом деле, как же могло случиться, что кандидат партии, комсомолец Константин—центральная фигура процесса—убил кассира и довел до самоубийства девушку?

Характеристике личности обвиняемого и выявлению этого огромной важности обстоятельства суд и уделил много времени. Но предоставим слово самому обвиняемому, Константину Коренькову.

— ...В 1923 году я живу один, это самый успешный год моей учебы. Это расцвет моей политической, академической и общественной деятельности. В 1924 году, когда я встречаюсь с Давидсон, импульс общественности начинает замирать, личное в моей жизни тормозит академическую работу.

Одна фраза Константина, такая незначительная, вскрывает многое.

— Товарищи издевались надо мной—«живешь с крокодилом». Я очень сердился и временами сердился на Риву.

Волнуясь и задыхаясь, Константин Кореньков рассказывает, как он «покатился», как комиссия за комиссией, разбиравшие причину смерти Давидсон, сводили с ним «свои счета». Сначала он был исключен из комсомола, но восстановлен со строгим выговором и предупреждением. Он начал проситься на производство и тут по его словам:

— Я натолкнулся на полное равнодушие, мне предлагали, смеясь: «мы пошлем тебя в МКХ, в ассенизационный обоз».

Мне было все равно куда идти, я оторвался от товарищей, от работы, от всего, что мне было близко, и я голодал. Потом, в апреле, я нечаянно прострелил себе левую руку, был в больнице и голодал...

Здесь Кореньков нагло лжет, ибо за день до убийства он получил из Югостали месячную стипендию в 35 руб. Любопытнее всего, что в своих весьма пространных показаниях, подсудимый всячески увиливает от существа дела и все время возвращается к «психологическим истокам», которые довели его до преступления. По его словам, до убийства кассира его довела связь с Ривой Давидсон, но свидетели говорят другое. Свидетели указывают, что Кореньков создал сам такую атмосферу, которая довела Риву до самоубийства. Студентка Арутюнова показывает, что Кореньков был антисемитом, и также со слов покойной добавляет: «он говорил, что любит не меня, а Сару Крамарову». Он говорил: «вот Сара—настоящая комсомолка, а ты жиловка и пролаза». Потрясенная этим, свидетельница Арутюнова предложила Давидсон покинуть Коренькова и перейти к ней в комнату. Давидсон сначала сказала «подумаю», а потом ответила, что раздумала уходить.

— Мы помирились, и он сказал, что любит только меня, а не Сару Крамарову.

Несмотря на то, что, по словам Коренькова, Рива ему «опротивела», Кореньков продолжал с ней жить до дня самоубийства. Некоторые свидетели-студенты заходят дальше в своих предположениях о самоубийстве Ривы. Они заявляют, что могло выйти и так, что Кореньков убил своими руками Риву. К сожалению, судить об убийстве сейчас нельзя — прошло слишком много времени и при производстве дознания о самоубийстве Ривы были значительные упущения.

Но среди свидетелей у Коренькова есть и свои союзники. Один из них, студент института Народного Хозяйства Денисов, бывший комсомолец, заявляет, что «еврейка погубила Костю, которого он знал с малых лет и единственным недостатком которого было нетактичное отношение к попам: как встретит на улице, так по матушке!» На вопрос судьи, почему Денисов вышел из комсомола, последний отвечает:

— Я раньше верил в вождей, и в частности в Сосновского, а как Сосновский написал про Костю фельетон, я и вышел из комсомола.

На вопрос судьи «что же, вы из-за Сосновского вступили в комсомол?», на суде свидетель ответа не дает. Денисов рьяно помогал Коренькову.

Андрей Кореньков, разрезавший в тюрьме стеклом грудь, молчит, он слаб и отвечает суду нехотя.

У Смирнова ничего не выражающее лицо, низкий лоб. В начале процесса Смирнов разыгрывает невменяемого. Кричит на суд, фотографов и конвоиров. Но сумасшествие ему не удается — экспертиза признает его вменяемым.

В прениях сторон, защитник Константина Коренькова адвокат Рубинштейн старался доказать, что общественной заостренности в этом процессе не так уж много, не «кореньковщину» здесь судят, а Кореньковых и Смирнова. Обвинение связывает участие Коренькова в грабеже с самоубийством Ривы Давидсон, в котором Кореньков, по словам защитника, мало чем повинен. Сам Кореньков, заканчивая свое последнее слово подсудимого, заявил:

«Кореньковщины нет, если вы дадите залп по кореньковщине, залп будет мимо! Есть Кореньков и он не побоится вашего залпа, цельтесь верней!» — и картинно разорвал на груди рубаху.

Приговором суда все трое были присуждены к расстрелу, замененному им ВЦИК'ом 10 годами заключения каждому. На этом процессе мы можем убедиться, как из матерщины по проходящему попу, антисемитизма, скотского отношения к девушке рождается в конце-концов преступление. Мы видим идейного поклонника Коренькова, свидетеля Денисова. Значит где-то глубоко внутри есть ростки, тянувшиеся к Кореньковым. Долг каждого пролетария обрывать эти ростки, не давать разрастаться «кореньковщине».

Деникинец Джигирь

Это дело привлекло много слушателей; преобладали крестьяне, которые так или иначе помнили деяния обвиняемого.

После томительного судебного следствия, после речи прокурора, требовавшего суровой меры наказания для преступника, говорил защитник, речь которого мы приблизительно и приводим.

«Сегодня перед судом воскресло прошлое. Перед судом прошли тени царских генералов, спасавших Россию, т.-е. пытавшихся отнять власть у восставших рабочих и крестьян бывшей империи. «Ледяной поход» Корнилова, спасение России Деникиным, врангелевщина, кулацкая антоновщина и восстание в Крондштадте прошли перед судом. И мутной каплей в море зловещих волн междуусобицы затерялся преступник, сидящий на скамье подсудимых, — Джигирь. Джигирь обвиняется в активной борьбе против Советской власти, в том, что, состоя на службе в белой армии, он, вернувшись в свою станицу, расправлялся с местным крестьянством, и по его приказу были расстреляны местные крестьяне-красногвардейцы. Все это на суде доказано.

Что же привело Джигиря к этому преступлению против власти рабочих и крестьян, за которое сегодня ему предстоит рассчитаться?

Посмотрим, в какой обстановке протекли детские и юношеские годы Джигиря, посмотрим, в какой обстановке находился он до поступления в белую армию, в которую он вступил, когда ему было 16 лет. Может быть, узнав этот период жизни Джигиря, мы узнаем мотивы, приведшие его на службу в белую армию и могущие объяснить совершенные им преступления.

Джигирь был сыном богатого местного попа-черносотенца, даже кулацкая часть населения станицы считала попа богатеем.

Воспитание мальчик получил в духовном училище, в школе, где убивают самые лучшие человеческие чувства, где под маской христианской любви вспрыскивают ненавистные чувства раболепства перед богатыми и презрение, ненависть к бедным, завуалированные разными красивыми евангельскими цитатами о людском братстве, терпении и проч. Отец готовил его к духовной карьере. Способный мальчик должен был после бursы идти дальше в духовную академию, говоря языком современности, идти в вожди и идеологи церковного движения.

Но получилось иначе. Колесо истории, пущенное рукой пролетарской революции, завертелось в другую сторону, и 16-летний Джигирь вместо поповской камилавки нацепил на себя фуражку добровольческой армии, обрамленную кантом святого Георгия.

Это было так. Джигирь был дома, когда в станицу пришли разбитые банды офицеров-корниловцев, гонимые с севера революционными полками. Отец Джигиря ездил на поклоны к генералу, благословлял христоролюбивое воинство и тихонько шептал на ухо начальству:

— ...Вот Ониска Чапан в крайней избе, с околицы, да еще Глухарь около выгона, избушка маленькая!

А ночью к этим избам крались солдаты и хватали неповинных Глухарей и Чапанов. У лесочка трещали выстрелы, и на утро у опушки выростал небольшой холмик...

Поп видел, что для защиты отечества, для защиты своего благополучия нужно было жертвовать всем—и последняя жертва была его сын, который по настоянию отца и поступил в армию...

16-летний мальчик пошел добровольцем. Мы их помним, этих гимназистов, семинаристов, восторженно звякавших шпорами и сгоравших от жгучих карательных желаний. Но примите, граждане судьи, во внимание, что Джигирю было только 16 лет, он еще был в пионерском возрасте и по словам самого обвиняемого плохо соображал... Поповско-бурсацкая муштра, приказания отца крепко влезли в его голову, неприязненные отношения селян к поповскому сынку дополняли это, и Джигирь, конечно, не мог осознать истинное положение вещей.

И когда крестьянские красные отряды разгромили корниловскую экспедицию, мальчика в фуражке с георгиевским кантом сволокли в Новочеркасский лазарет— он заболел тифом. Оправившись, Джигирь едет в родную станицу. Отец Джигиря удрал под шпальнейю красных, расстреливавших белые сотни. Джигирь приехал, когда белые отбились. Во время кратковременного пребывания красных поповское добро было поделено между бедняками. Джигирь приехал, окруженный славой участника корниловского похода, атаман был с ним запросто, комендант ласково жал руку, а Джигирь рыскал по станице, ища добро своего отца, поделенное бедняками.

Избы, где были найдены вещи бежавшего попа, оцеплялись молодцами Джигиря, хозяев выволакивали на улицу и нещадно били.

Путь, по которому проходил Джигирь, был усеян трупами борцов за свободу, а Джигирь полез вверх по скользкой лестнице повышений в добрармии. Но ничем не доказано, что Джигирь проявил какие-то особенные зверства за время пребывания в белой армии.

Все в армии зверствовали и особого рвення у Джигиря не замечалось, только один факт расправы за поповское добро доказан, да и сам Джигирь его не отрицает. Беспрестанные повышения, георгиевский крест и прочие награды закружили голову Джигиря... Он не замечал, как с разбитыми остатками белых отрядов все ближе и ближе к морю припирались агонизированные остатки денкинских полчищ. Только под Новороссийском, когда начальник отряда перед тем, как пустить пулю в лоб, сказал: «Следуйте за мной на тот свет или идите к красным, нам нечего здесь делать!» — только тогда беспомощно оглянувшись вокруг себя Джигирь и, понуря голову, пошел к красным. Джигирь последовал второму совету начальника отряда. Он не пустил пулю в лоб, он не пытался эмигрировать в Турцию, а пришел к красным. Правда, поздно, но пословица говорит, что «лучше поздно, чем никогда».

Дальнейшее совершенно необъяснимо. Только зная самые сокровенные частицы человеческого мышления, можно объяснить себе, что Джигирь стал красным командиром, стал членом партии... Какие внутренние драмы, какие трагедии переживал Джигирь, мы не знаем. Известно только одно, что Джигирь имел возможность, воюя с Врангелем, тысячу раз перебежать на его сторону и

вероятно был бы последним пощажён и даже получил бы обратно свои чины и ордена. Однако, Джигирь этого не сделал. Известно, что Джигирь бесстрашно командовал порученной ему частью, врезался вместе с Красной армией в горло черного барона, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа и рассеивал банды изменника Антонова.

Джигирь принес пользу Красной армии и Советской власти — он искупил свою вину, рискуя жизнью.

Когда замолкли раскаты пушек, когда враги были прогнаны с территории Союза, член ВКП(б) и красный командир тов. Джигирь был послан на учебу в военно-инженерное училище. Джигирь женился и думал, что позорное прошлое погребено и искуплено. Но остались живые свидетели, которые помнили разъяренного 16-летнего попovichа, рыскавшего по станице, того самого, по вине которого было расстреляно несколько казаков, и против Джигирия всплыло обвинение и возникло дело, которое вы сегодня, граждане судьи, разбираете.

Как обвиняемый, так и я, его защитник, несколько не уменьшаем вины Джигирия — обман партии сообщением только о том, что он был белогвардейцем, утаив свое происхождение и подробности службы у белых.

Я, советский защитник, рассказал суду всю правду, не скрывая всех кровавых преступлений Джигирия. Но я сказал также советскому суду, что Джигирь, рискуя своей жизнью, искупил свою вину, защищая молодую республику от тех генералов, которым он служил, будучи 16-летним мальчиком. Я полагаю, что суд, вынося свой приговор, должен учесть верную и добросовестную службу Джигирия делу рабочих и крестьян и приговорить Джигирия к условному наказанию».

Кубанская постоянная сессия Северо-Кавказского краевого суда приговорила Джигиря к трем годам лишения свободы и поражению в правах.

По кассационной жалобе осужденного, это дело разбиралось в Верховном суде РСФСР. Верховный суд приговор Кубанской сессии отменил, дело прекратил и постановил Джигиря из-под стражи освободить.

Свое решение Верховный суд мотивировал тем, что Джигирь совершил свои преступления, будучи 16-летним юношей. В этом возрасте он не мог себе отдать полного отчета в конечных целях и замыслах вожаков белых банд, а следовательно не мог действовать как сознательный враг Советской власти. Кроме того, Верховный суд принял во внимание последующую жизнь Джигиря — его добровольную службу в Красной армии, участие в боях под Кронштадтом, участие в ликвидации антоновских банд и врангелевского фронта.

Своим решением Верховный суд республики показал, что Советская власть не расправляется с рядовиками, вовлеченными и одураченными белыми генералами, даже в том случае, если эти рядовики — выходцы из чуждой пролетариату и крестьянству среды.

«Свободная комсомольская любовь»

«Так называемая «новая половая жизнь» молодежи довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем.

Самообладание, самодисциплина—не рабство: они необходимы и в любви»...

(Из разговора тов. Ленина с
Кларой Цеткин)

Это не сухая, обыкновенная любовная история, закончившаяся для некоторых ее «героев» скамьей подсудимых. Речь идет о большой бытовой трагедии, которая лишним раз свидетельствует о том, что в вопрос половых взаимоотношений молодежи, в вопрос так называемой «свободной любви» должна быть внесена ясность.

Завязка этой повести произошла в 1926 году, когда комсомолец Петров, ученик одной московской профшколы, влюбился в ученицу этой же профшколы комсомолку Веру Б—ву.

При одной из первых встреч Петров недвусмысленно намекнул Вере на омрачающую его молодую жизнь скуку и прочел ей прочувствованную речь о проблемах пола и всех радостях «свободной» любви. Вскоре последовало и «объяснение».

— Давай, Вера, чаще встречаться. Ты ко мне при-
выкнешь.

Вера удивленно пожала плечами.

— Зачем это нужно, что за нежности?

— А за тем, Верочка, что я люблю тебя свободной
комсомольской любовью. Скажи, ты меня любишь?

— Вот выдумал, конечно, не люблю, — последовал
ответ.

— Верочка, не будь злой, — упрямо настаивал Пе-
тров, — не любишь — полюбишь. Будь моей, ты останешься
довольна...

Объяснению не суждено было закончиться благопо-
лучно. Обиженная, смущенная наглым предложением, де-
вушка со слезами на глазах убежала в свою комнату. Од-
нако, влюбленный «герой» решил добиться своего. Петров
начал донимать Б—ву письмами с пламенными объясне-
ниями в любви.

Письма этого комсомольца ярко обрисовывают его да-
леко не комсомольскую натуру. Однако, предоставим су-
дить об этом самим читателям. Вот «перлы» любовных
творчеств Петрова, адресованные Вере Б—вой. Отрывок
первый:

«Добрый день, Вера! Вера, ну скажи, чем я хуже дру-
гих. Посылаю 100 воздушных поцелуев...»

Далее следует любовная лирика:

«Приди на тихое свиданье,
Есть много горя у меня,
Ты облегчишь мое страданье,
Я умираю без тебя.

Когда умру, когда скончаюсь,
Когда холодный гроб возьмут,
Тогда любить тебя не стану,
Но сейчас тебя люблю» ...

Любопытны также и настойчивые, но «вежливые»
просьбы вступить с ним в половую связь. Отрывок вто-
рой:

«Нашу любовь будем скреплять не поцелуями, как все (?), а гораздо крепче, думаю, что ты не маленькая и сможешь догадаться, о чем я веду речь».

Вера неоднократно просила Петрова оставить ее в покое и не приставать к ней с ухаживаниями, так как она думает только об учебе и работе в комсомоле. И вот однажды, когда Вера на грубые, вызывающие предложения влюбленного комсомольца попросила его «отстать и не бузить», Петров набросился на нее и... жестоко избил девушку.

Уже на другой день «буйный кавалер» раскаялся в своем поступке и письменно стихами извинился за побои.

Но тут же прозой добавил угрозу:

«Если простишь, то будем товарищами, а если нет, то будем врагами».

Терпение девушки истощилось. Она решила положить конец навязчивым, циничным приставаниям и грубым насмешкам Петрова. Вера подала заявление в ячейку ВЛКСМ с просьбой опрадать ее от хулиганских выходок Петрова. На расширенном заседании ячейка вынесла постановление:

«Петрова из комсомола исключить, в виду того, что ему неоднократно делались выговоры и предупреждения из-за его приставаний к Б—вой, на что он не обращал внимания».

При повторении подобных случаев решено было поставить вопрос об исключении его из школы. И что же? Петров исправился? Оставил в покое отвергнувшую его любовь комсомолку? Отнюдь нет.

Из последующего видно, что Петров легко, без малейшей доли сожаления променял свои личные чувства на комсомол.

Обозленный холодностью и невнимательностью Веры Б—вой, он прислал ей анонимное письмо, которое сплошь состояло из циничных, площадных ругательств. Б—ва показала письмо завпрофшколой.

Видя безнадежную неисправимость Петрова, учком профшколы стал хлопотать перед школьным советом об исключении Петрова из школы. В этот же вечер произошел и трагический финал этой повести о неудачной «свободной любви».

Петров, притаившись в коридоре, дождался момента, когда Б—ва проходила мимо него, набросился на нее и нанес несколько ударов финским ножом в грудь и в спину, злобно пробормотав:

— Не любишь? Так ты умри, а я поживу!

Обливаясь кровью, девушка упала на пол. Но она не умерла. Ее спасло ватное пальто, которое смягчило удары ножом. Девушка осталась жива.

Характерны слова Петрова, сказанные им товарищам накануне покушения.

— Если я сразу не убью Верку, то, вернувшись из тюрьмы, прикончу. Не мне, не людям!

Гнусное преступление по счастливым обстоятельствам не было доведено до конца, и «влюбленного» хулигана Петрова предали суду.

— Пустяки,—скажет читатель,—что страшного в том, что комсомолец полюбил комсомолку? Почему он не мог ее ревновать? Ведь парень влюбился и из-за любви был готов на все. Ничего в этом ужасного нет.

Но такие рассуждения пахнут мещанской добродетелью и моралью.

Петров считал:

— Я — комсомолец, Вера — комсомолка, значит она должна не ломаться и согласиться на мое «товарищеское» предложение. Если же отказывается—она мещанка.

...«Влюбленного» хулигана Петрова предали суду

Это «модное» слово «мещанство» склоняется во всех падежах и применяется ко всякому удобному и неудоб-

ному случаю. Если девушка колеблется отдать себя в руки какого-либо ухаря-парня, если она не позволяет «лапать» себя, ее награждают ехидным словечком—«мещанство». Если девушка опрятно одевается, следит за собой—она мещанка. Парень чистит зубы и носит галстук—это мещанские привычки. Девушка не желает слушать от парня гнусных предложений и похабных разговоров—у нее мещанская идеология и т. д., и т. д.

В корне ошибочны и понятия Петрова о свободе и мещанстве девушки. Вернее, они даже преступны, ибо зверский поступок комсомольца, покушавшегося на убийство отвергнувшей его «любовь» девушки из мести за исключение из школы, есть ни что иное, как подражание бандитизму. С этой точки зрения рассматривал дело Петрова и суд, давший всей трагедии правильную оценку и вынесший свой суровый, но справедливый приговор.

Петров не единица. Немало есть подобных ему людей с мелкобуржуазной психологией, извращенными понятиями о «свободной любви» и правах современной девушки.

Тов. Ленин говорил:

«... Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт, гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов, ученье, разбор, исследование,—и все это, по возможности, совместно...».

Нет никакого сомнения в том, что нездоровые явления, подобные «петровщине», будут целиком изжиты.

Кулачье в борьбе с комсомолом

Яркие, красочные картинки, живые поучительные примеры всей жизни, борьбы и быта деревенской молодежи, в частности комсомола, проходят ежедневно перед советским судом.

Здесь, в зале суда, как в калейдоскопе, можно увидеть будничную, повседневную жизнь современной деревни со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, со всеми мелочами трудной, кропотливой работы по созданию новой, советской деревни.

На скамье подсудимых целый «музей личностей». Здесь и «невольные» преступники—деревенские парни, под влиянием хмельного угара совершившие какой-нибудь хулиганский поступок, и обманувшие доверие населения ловкие аферисты и мошенники, пролезшие в сельсоветы и кооперацию и закончившие свою «ответственную работу» взяточничеством, растратами, вымогательством, подлогами и другими служебными преступлениями. Затем следуют бытовые преступники: ревнивые мужья, истязавшие своих жен, алиментные «герои», самогонщики и, наконец, темные силы советской деревни—местные богатеи, кулаки, угодившие на скамью подсудимых за борьбу с советской общественностью, партией и комсомолом.

Контрреволюционной деятельности этой последней группы преступников, их борьбе с общественностью в деревне и посвящена эта глава.

Новый быт, новые веяния проникают сейчас в самые глухие и отдаленные уголки Советского Союза.

Трудно сейчас найти в республике такое село или деревушку, где не было бы партийной или комсомольской

На скамье подсудимых целый «музей личностей»

ячейки, где жизнь крестьянства не была бы связана с политической деятельностью. Через сеть клубов, изб-читален, женотделов, ККОВ крестьянство выходит на широкий путь советской общественности.

Но кулацкая свора не может примириться с потерей своего экономического и политического влияния на середняка и бедняка. Все желания, все помыслы кулаче-

ства направлены в сторону борьбы с Советской властью, самыми преступными, самыми контрреволюционными способами.

Методами и приемами для выполнения своих шкурнических целей кулаки-богатеи не стесняются. Спаивание, угрозы, клевета, самоуправство и подкупы, — все это было не редким явлением в последнюю перевыборную кампанию. Так, напр., в Смоленской губернии (с. Пантюховское) была устроена грандиозная попойка, на которой выпито более 500 (!?) бутылок самогона. В одном селе Самарской губернии кулак зарезал свинью на угощение крестьян-избирателей, надеясь обеспечить себе место в совете. Его проделка не удалась благодаря разоблачениям намерений кулака местными комсомольцами.

Не брезгали кулаки и гнусными бандитскими средствами. В селе Камышевке (Самарской губ.) выстрелами из винтовки был убит вновь избранный секретарь сельсовета и ранены три новых члена совета. В Сибири был случай зверского изуродования кулаками крестьянина-активиста, которому богатеи вырезали язык.

Это только небольшая часть тех жутких, потрясающих страниц борьбы кулачества с трудовым крестьянством, которые были выявлены и разоблачены многочисленными показательными процессами.

Конечно, все старания кулаков ни к чему не привели. Попытки сохранить хотя бы незначительную часть своего влияния в советах разбились о крепкий блок бедняка и середняка.

Не малую часть этой борьбы с кулаками пришлось выдержать и деревенскому комсомолу, полезную и благотворную деятельность которого жестоко ненавидят темные силы деревни.

Совсем недавно под Москвой был зверски убит кулаками братьями Хамиными комсомолец-селькор Птицын, который в своих корреспонденциях разоблачал преступные замыслы и проделки местных богатеев. Убийцы собственной жизнью поплатились за свою дикую жестокость—суд приговорил Хаминых к расстрелу.

Комсомольская общественность в деревне подвергается многочисленным гонениям со стороны кулаков за свои культурно-полезные начинания. Больше всего, конечно, достается отдельным наиболее активным комсомольцам — разоблачителям (всей организации кулаки побаиваются) кулацких темных дел.

Приводимый здесь жуткий факт борьбы селькора-комсомольца Свирина с темными силами кулацкой своры наглядно подтверждает героизм и мужество молодых строителей нового быта советской деревни.

Было это в селе Шереметьевке (Ульяновской губ.). Петр Свирин, активист-комсомолец, был лучшим защитником бедняцкого населения от нападков и притеснений кулачества.

Свирин хорошо понимал, чего добивается контрреволюционно настроенная группа богатеев. После же того, как кулаки, организовавшись, избрали свой «сельсовет» во главе с купцом Новиковым, и крестьянам стала ясна линия местного кулачества.

Борьба разгорелась.

Началось с того, что кулацкий сельсовет повел гонения против бедняков: не давали семсуду, не давали сенокос безлошадным и т. д. Свою же братию купец Новиков, он же председельсчета, «ублагодворял» как только мог.

И комсомолец Сви́рин первым восстал против кулацкого самоуправления. Прежде всего он предложил сельсовету запретить наем батраков-подростков «от ворот», помимо биржи труда.

— Не твой воз—не тебе везти,—ответили ему в сельсовете, — в наши общественные дела не суйся, а то будет худо!

Но не такой был парень Сви́рин, чтобы кулацкой угрозы испугаться.

— Я своего добьюсь. Не дам в обиду бедняков,—заявил он в «совете».

Обозленные «сельсоветчики» решили мстить. Они всячески начали притеснять комсомольца. Сами же пьянствовали, дебоширили и всю бедноту держали в загоне.

— Нет, как видно, — один в поле не воин, — решил Сви́рин. — С этой сворой одному не справиться. Надо ребят организовать.

И предприимчивый комсомолец стал организовывать передовую бедняцкую молодежь, привлекая ее в комсомл. Одновременно Сви́рин начал писать в газету «Красный Октябрь» под псевдонимом «№ 120» заметки, разоблачая все злоупотребления сельской «власти».

Появившиеся запросы прокуратуры не на шутку встревожили кулацкую свору. На тайном заседании сельсовета было принято решение:

«Узнать доносчика и убрать его подальше».

К случаю нашелся и человек, предложивший свои услуги в качестве «сыщика». Молодой парень, секретарь кулацкого сельсовета, Владимир за хорошее вознаграждение взялся узнать фамилию загадочного разоблачителя. Сельсовет письменно санкционировал свое согласие.

И вот Владимиров стал под'езжать к Свирину. Для большей благонадежности он даже вступил в комсомол (тоже с письменного разрешения кулацкого сельсовета).

Ничего не подозревающий Свирин, конечно, доверял все свои тайны «комсомольцу» Владимирову и как-то рассказал ему о том, что он пишет в губернскую газету о кулаках под псевдонимом № 120. Владимирову только этого и надо было. Сразу же он забросил всю комсомольскую работу и поспешил донести сельсовету о «тайном селькоре» Свиристне. Сельсовет решил раз навсегда отделаться от стоящего на их пути комсомольца.

— Его надо убить немедленно,—решили кулаки.

Дальше случилось почти так же, как и с первой жертвой селькоровского движения в Дымовке. Однажды темной, туманной ночью к окну избы Свирина бесшумно подкралась тень, впоследствии оказавшаяся купцом Тутуткиным. Комсомолец-селькор писал очередную разоблачительную заметку, и его склонившаяся над столом фигура была ясно видна в окно.

Грохотом прокатился по уснувшему селу предательский выстрел и... Свирина не стало.

Кулаки успокоились, но не надолго.

Развязка этой драмы закончилась для «сельсоветчиков» на скамье подсудимых. Советский суд сурово наказал негодяев, приговорив Тутуткина и Новикова к расстрелу, а остальных к разным срокам тюремного заключения. Осужден был и гнусный провокатор Владимиров, за кулацкие деньги предавший активного комсомольца, борца за красную, новую деревню, за интересы трудового бедняцкого населения.

Темные силы — попы и мракобесы

Деревенскому комсомолу приходится вести трудную борьбу и с другими темными силами деревни — попами и прочими мракобесами (сектантами, знахарями и т. д.), которые, одурачивая крестьянство всевозможными выдумками и легендами, под шумок обделывают свои грязные, преступные делишки.

Служители бога ни мало не смущаются тем, что своими низменными поступками они противоречат всем евангельским учениям о «кротости, смирении и добродетели». Это их меньше всего трогает.

То там, то здесь выплывают кошмарные, потрясающие своей дикостью преступления «пастырей земных» и находят свое конечное разрешение на судебной скамье.

Большинство всех преступлений как уголовных, так и политических (контрреволюционных), совершенных деятелями религиозных организаций, разоблачаются деревенскими комсомольцами, бдительно стоящими на страже советского правопорядка, и тем самым укрепляется влияние комсомола среди крестьянства.

Перечень всех поповских дел занял бы огромный список преступлений самых различных оттенков и характеров. На ряду с преступлениями, совершенными на почве религиозной, попы и сектанты фигурируют зача-

стю на суде в роли истязателя, эксплуататора, насильника, растлителя, убийцы, отравителя и т. д.

Нашумевший в свое время процесс ксендза Усаса, занимавшего видный пост в польском посольстве и тайком практиковавшего истязания молодых девушек (большинство русских) из-за садистических пороков, ярко характеризует то гнилое разложение, ту моральную пустоту, которые являются неотъемлемым качеством всей массы проповедников «слова божьего».

Преступный ксендз Усас систематически, в течение многих лет, под прикрытием иезуитской рясы завлекал доверчивые жертвы в свои сети и зверски издевался над их телом. Переход от христового распятия к просоленным розгам для людей, подобных Усасу, — обычная, простая штука.

Мракобесы хорошо понимают, что их преступные проделки со взрослым, сознательным населением могут для них окончиться весьма плачевно, и поэтому пастыри намечают своих жертв из среды подрастающего поколения, из среды наиболее доверчивой части молодежи.

В таких делах молодежь уже фигурирует не в качестве уголовных «героев», не в качестве подсеудимых, а как потерпевшие, жертвы злого, преступного умысла религиозных мироедов.

*

Хитрый, расчетливый ксендз Мустейкис, конечно, никогда не предполагал, что эти его «святые» слова будут напечатаны в большевистском издании.

Поэтому он так смело, нагло, с грязным цинизмом бросил своей молодой жертве во время исповеди очередную насмешку:

— Пусть святой Иосиф тебя простит...

— При чем тут святой Иосиф!—не выдержав острой сбиты, вскрикнула 18-летняя Антонина К. — При чем святой Иосиф, когда отцом моего ребенка являешься ты...

Ксендз, Мустейкис поджал тонкие губы, и глаза его безучастно скользнули по бронзовой фигуре распятия...

Это эпилог. Пролог же таков.

Антонина К. жила со своими родителями в деревне Вербицы, б. Люблинск. губернии. Она была совсем еще маленькой девочкой, когда за ближайшим перелеском раздались первые залпы и грохот фронтовой канонады.

Путь, по которому отступали под напором немцев русские войска, лежал через Вербицы. Грохот пушек и стрекотание пулеметов становились все ближе и ближе. Вскоре показался и дымок первого вражеского бронепоезда.

Надо было эвакуироваться. И девочка Антонина вместе с родителями с малых лет окунулась в бродяжью жизнь, жизнь кочевников, не имеющих своего крова.

Долго скитались по деревням в поисках заработка. Долго терпели насмешки и издевательства родители Антонины, а она еще не могла осознать, понять своим детским умом всю горечь их положения. Голод и болезни скоро лишили Антонину родителей. И с малых лет сирота стала испытывать голод и нищету.

И вот, когда силы одинокой девочки готовы были ее оставить, над Антониной «сжалился» ксендз Мустейкис деревни Антуши, Бобруйского окр. Расчетливый пастырь приютил ее у себя, точно рассчитав, сколько прибыли он может выжать из новой рабыни.

Время шло. Росла и Антонина. Через несколько лет она из маленькой девочки превратилась в 18-летнюю де-

вушку. Ксендз Мустейкис подвел итог своим «милостям» и нашел, что Антонина за свое полуголодное существование все же осталась его должником, и, не долго думая, потребовал уплаты... телом.

— Приходи ко мне вечером в комнату,—недвусмысленно предложил ей ксендз Мустейкис. — Если ты не пойдешь, я умру, — попробовал он подействовать на нее угрозой.

Антонина плакала, отказывалась, просила ее не трогать.

— Я еще маленькая целоваться,—говорила она, когда развратный ксендз сладострастно тянулся к ее лицу.

Но Мустейкис был неумолим. Он обладал настойчивостью и хитростью. Стоит ли говорить о том, что ксендз добился своего.

С этого момента для Антонины началась новая жизнь, полная издевательств, насмешек и унижений. Добившись своей цели, Мустейкис не оставил в покое девушку, даже не стал к ней лучше относиться. Он открыто, цинично издевался над ней.

— Когда будешь выходить замуж,—насмешливо обещал ксендз Антонине,—я дам тебе хорошее приданое и... бесплатно обвенчаю.

Понятно, эти обещания были точно такими же правдивыми, как и все обещания лицемерного ксендза своей пастве.

Родился ребенок. Антонина пришла просить немного денег на содержание ребенка, но ксендз решительно заявил:

— На это я не дам.

Антонина умоляла, просила его помочь и, наконец, пригрозила подать в суд.

— Свидетелей не было и ничего ты не добьешься, только опозоришься, — нагло заявил иезуит Мустейкис.

Но сам струсил. Мустейкис мобилизовал весь костельный совет. В помощь дал им еще свою преданную домашнюю работницу (для посторонних «сестру»). Скопом и в одиночку начали они уговаривать Антонину не подавать на ксендза в суд, что, мол, «грешно и некрасиво порочить своего духовного отца на суде».

— Без свидетелей ничего не сделаешь, — говорили уговорщики. — А будешь замуж выходить, ксендз тебя не обидит...

Но не побоялась Антонина «греха и позора», подала на Мустейкиса в суд — алименты взыскать. А заодно спросить у суда, имел ли право ксендз Мустейкис три года безвозмездно ее эксплуатировать, имел ли право силой заставлять отдаваться ему.

Суд внимательно ознакомился со всей историей тяжелой, беспросветной жизни Антонины К., учел всю преступность поведения ксендза Мустейкиса и по заслугам наказал развратного насильника-эксплоататора.

Нередко удается видеть на скамье подсудимых «служителей бога» в шелковых сутанах, обвиняемых в изнасиловании. Конечно, не секрет, что «обет безбрачия» — только пыль в глаза доверчивых верующих.

Этот процесс показал, что советский суд всегда стоит, стоял и будет стоять на защите свободы трудящейся девушки, на защите тех прав, которые даны ей советским государством.

*

Другой случай. Здесь уже не молодежь фигурирует в качестве потерпевшего, а сам подсудимый, дьякон

Рождественский. Он — «жертва» комсомольского раз-
облачения его хитроумных преступных замыслов, глав-
ной целью которых являлась мечта увеличить оскудев-
шие доходы «божьего храма».

Произошло это близ Кольчугинского завода, на
хуторе.

Росла и крепла здесь среди населения культурно-
просветительная работа и все уменьшалось, таяло коли-
чество церковных прихожан.

Долго ломал себе голову дьякон Рождественский, как
пересилить влияние комсомольское и направить населе-
ние по пути «веры и истины». Наконец, надумал.

— Коль бога не уважают, придется чортом за-
пугивать, — решил он.

На другой день дьякон начал какие-то загадочные
приготовления, а вскоре произошел случай, более
напоминающий веселый анекдот, чем правду.

На хуторе произошла как-то паника. Мужики и бабы,
собравшись в кружок, испуганно выслушивали бес-
связный рассказ старухи.

— Выхожу я, родимые, в сенцы-то, — повествует
она, — а в углу чорт стоит. Рога большие. А глаза
зеленые так и горят. С перепугу едва ноги унесла.
Наказал нас видно господь за грехи наши...

Бабы, причитая, торопливо крестясь, загорланили:

— Молебен, молебен служить надо!!!

Мужики вздумали было протестовать, но женская
сторона подняла такой вой и шум, что пришлось махнуть
рукой и согласиться на молебен.

Вошли в сенцы к «потерпевшей» старухе. Видят —
действительно стоит кто-то и глаза зеленые горят. При-

шедший дьякон загнул молитву, окропил чорта водой «святой» и вдруг случилось «чудо» — чорт исчез.

Но комсомольцы разоблачили преступную проделку дьякона Рождественского и донесли властям об обмане.

На суд «чудотворца» дьякона собралась вся деревня. Улики были так неоспоримы, так очевидны, что Рождественскому пришлось сознаться.

— Каюсь, — слезливо заявил он на суде, — нехорошо «подшутил» над селянами. Комсомольцы подвели.

Оказалось, что дьякон, решив подработать на темноте и некультурности населения, из глиняного горшка смастерил «чорта». Пристроил рога, пробил в горшке две дырочки, которые залепил зеленой бумагой. Вечером же незаметно перенес «беса» в сенцы самой религиозной на деревне старухи и зажег внутри горшка свечу. Дьякон хорошо рассчитал. Религиозная до фанатичности старуха не подумала усумниться в подлинности чуда и поспешила «раззвонить» по селу о «знамени».

Когда на суде поинтересовались, как «чудесник»-дьякон заставил исчезнуть «чорта», он хвастливо об'яснил:

— Очень просто все обдумал. Во время молебна дунул на свечку и готово — чорт исчез... Только спрятать «прибор» не успел, комсомольцы опередили.

Нарсуд за мошенничество приговорил Рождественского к тюремному заключению.

Так закончилась эта курьезная история. Но она могла закончиться и иначе, если бы комсомольцы вовремя не разоблачили бы «чудо». Возможно, что последнее было бы признано «знамением божьим», и немало десятков доверчивых ротозеев одурачил бы хитрый дьякон.

Преступные замыслы «отцов духовных» носят характер не только «невинных шуток», но зачастую принимают формы дикой жестокости, выявляя всю алчность и эгоизм «священной» особы.

Дело пастора Гранта повествует о страшной, тяжелой драме, постигнувшей одну семью, бедняков Ридус, в результате чего их 5-летняя дочь осталась калекой на всю жизнь.

Дело было так. В осенний, пасмурный вечер по улице шел человек. Он покачивался и спотыкался. Неизвестный, промокнувший насквозь, ворчал на непогоду, проклиная «всех святых».

Вдали мелькнул огонек. Неизвестный, радостно вскрикнув, направил свои стопы к манящему свету. Подойдя к хате, он постучал.

— Кто там?

— С дороги сбился. Пустите обогреться пастора Гранта, — дрожащим от холода голосом прогундосил путешественник.

Сидящие в хате узнали голос своего пастора. Пустить в дом они не могли — все ютились в одной маленькой комнатушке. Пастор признался, что он спьяну не может дойти до дому.

— Мы вам дадим в провозатые нашу дочку Анну. Пусть она у вас переночует, а завтра вернется домой, — предложил бедняк Ридус.

Вскоре пастор вместе с маленькой Анной добрался до своей квартиры.

— Ну, деточка, сейчас я тебя угощу хорошим ужином, — сказал, обогревшись, пастор Грант.

Уселись за стол, на котором красовалась бутылка «пития». Пастор начал уговаривать девочку выпить вина.

— Не пью я. Отец узнает — убьет, — отнекивалась Анна.

Но пастор своей настойчивостью и обещаниями уговорил девочку выпить. Через некоторое время Анна была пьяна. Воспользовавшись слабостью девочки, пастор Грант изнасиловал ее. На следующее утро предупредил ее:

— Смотри, помалкивай. Ничего не рассказывай папе и маме. Я тебе за это сладости давать буду.

С тех пор пастор часто завлекал к себе Анну. Родители Анны ничего плохого не подозревали. Но как-то случайно мать Анны заметила на белье девочки подозрительные пятна. Пошли к доктору, и он нашел, что Анна больна венерической болезнью. Оказалось, девочку заразил развратный пастор.

Дело было передано в суд.

Струсивший пастор пробовал «замазать» дело и пытался передать беднякам крупную сумму денег. Но дело не прекратили и Псковским губсудом пастор Грант был приговорен к 5 годам лишения свободы.

Болезнь же Анны была замечена слишком поздно и она заболела прогрессивным параличом.

Так «служитель бога» погубил молодую жизнь 5-летней Анны.

Завсегдаи «Стойла Пегаса»

Огромный наплыв добровольцев в Красную армию, масса желающих поступить в военные школы указывают на политическую сознательность нашей рабоче-крестьянской молодежи. случаев дезертирства нет, да и быть не может, — молодежь понимает, что Красная армия — родная ей по духу и задачам.

Кучка буржуазных сынков, детство которых прошло в роскошных «детских комнатах», классических гимназиях, кадетских корпусах или лицеях и с которых эпоха революции стащила белопокладочные мундиры студентов императорского университета, рассуждала так:

«Служить с мужичьем — благодарю покорно, теперь ведь не 18-й год. Тогда можно было и в заградилровке немного пограбить. А теперь не то. Мы не соглашаемся с диктатурой класса; мы признаем диктатуру индивидуума, и только над своим собственным «я», но, конечно, мы лояльны к Советской власти, ведь социализм — путь к анархизму».

Вот приблизительная программа объединения молодых людей под красивой черной вывеской «молодых анархистов-индивидуалистов».

Когда молодые люди собирались, старый седой анархист, с трубкой, в драных ботинках и протертых штанах

вел семинарий «по теории анархизма». После занятий тихонько под сурдинку пели:

«На бой, на бой нас призывает
Комиссар — враг, царящий повсюду.
Пусть черное знамя собой представляет
Идею рабочего люда».

...Потом шли по залитой огнями Тверской в «Стоило Пегаса» — литературное кафэ, там Есенин читал стихи, и молодые люди иногда плакали, иногда хулиганили. Жизнь была — полная чаша. ГПУ в виду неопасности молодых анархистов не трогало и не интересовалось их времяпрепровождением.

Когда наступила осень, а вместе с ней и призыв, группа насторожилась, тем более, что среди них шестерым надо было идти служить в Красную армию.

«Это очень неприятно, прощай, «учеба», прощай, «Пегас». Мы против войны, следовательно и против армии с обязательным призывом; если индивидуум сознательный, он сам пойдет на защиту этого строя. А главное это очень неприятно, дадут в руки винтовку и ходи вокруг будки».

Поэтому группа решила по своим политическим убеждениям возбудить ходатайство перед судом об освобождении от призыва.

Дело слушалось в Московском губернском суде.

— К какой политической группе по убеждениям вы себя причисляете? — спросил судья.

— К анархистам-субъективистам.

— Ваша программа-минимум?

— У нас нет минимума и максимума. Вот после социализма будет анархизм...

— Если вы признаете, что социализм является переходной стадией к анархизму, — необходима его защита, защита с оружием в руках от империалистов.

— Да, но ведь социализм не наша цель, гражданин судья. Зачем нам его защищать, вы его сами защищайте.

— А какая разница между анархизмом и социализмом?

Последовало долгое и красноречивое молчание. Очевидно, уроки старика в протертых брюках не пошли впрок...

— Ну, что же вы не можете раз'яснить идею, которой служите?

— Я кроме анархиста еще толстовец,—сказал один из заявителей, краснорожий парень охотнорядского образца,—вот удостоверение,—и он сунул судье справку о том, что гражданин такой-то состоит в общине евангельских христиан.

Судья порылся в папке дела.

— Ага! Ну, граждане, суд вас освобождает от призыва в Красную армию, вы этого недостойны, конечно, не по политическим и религиозным убеждениям, а потому, что из справки видно, что вы состоите на иждивении отца-торговца, и вам в Красной армии нет места. Красная армия, армия трудящихся, а вы будете зачислены в команду обслуживания.

В просьбе заявителей было отказано за отсутствием у них каких-либо сведений о тех политических убеждениях, по которым они просили освободить их от отбывания воинской повинности.

Отцы и дети

Перед судом, разбирающим уголовное дело молодого преступника, проходит быт, преломленный в кривом зеркале, т.-е. не типичный случай, не присущее большей части нашей молодежи, а случай как бы патологический, т.-е. выходящий из обычных рамок и не дающий возможности судить по нему о всей остальной здоровой части молодежи.

Не то в гражданском деле, т.-е. в деле, в котором суд разбирает гражданский спор между гражданами, возникающий в процессе взаимоотношений между ними, либо между гражданами и государственными органами. Эти споры возникают на почве торговых, наемных, трудовых и семейных отношений.

Особый интерес представляют споры по семейному праву — алименты, помощь нетрудоспособным родственникам и раздел имущества.

Внедряясь в семейные отношения и регулируя их в интересах не только узкой семейной ячейки, а в интересах всего общества, советский суд проделывает огромную работу, помогая строительству социализма.

Во всех делах суд руководствуется интересами коллектива. Поэтому и присуждение алиментов матери на ребенка надо рассматривать не так, что, вот-де «хлопнули по карману отца», а как выполнение определенной

социальной функции, которая дает возможность пролетарскому государству получить в будущем граждани-на социалистической страны.

Нельзя также подходить к браку беспринципно и легковесно, как это делают многие наши комсомольцы. Прав тов. Рязанов, заявляя: «Для наших сбитых с толку комсомольцев, для молодежи, для тех, которые идут нам на смену, не всякое спаривание есть брак. Им надо знать, что если они вступают в брак, а не в спаривание, то это есть не только личный акт, не акт двух лиц, а это есть акт глубоко общественный и социальный, требующий вмешательства общества и регулирования этим самым обществом. Только тогда, когда бедная комсомолка будет знать, что этот брак есть известная форма, санкционированная в глазах общества, есть для нее обязанность, налагаемая на нее обществом, то она скажет всякому кобелеобразному молодцу: «Потерпи, над нами не каплет». Только тогда она будет знать, что дело идет о браке, не просто как о юридическом договоре, из которого вытекают только имущественные права и последствия, а о нравственном союзе. Только когда они будут знать, что, вступая в брак друг с другом, они берут на себя обязанности не только перед собой, но и перед обществом, они будут к этому относиться серьезно. Только в браке, в нравственном союзе, основанном на взаимном уважении друг к другу и на доверии, только в таком союзе, в основе которого лежит сознание своих общественных обязанностей, станет невозможным всякое проявление животной разнузданности, прикрываемое интеллигентскими фразами».

На почве уродливых «фактических браков», спариваний, по выражению тов. Рязанова, возникают алимент-

ные недоразумения, которые суду и приходится разбирать.

Судьба Владилена

Секретарь волкома тов. Щ. был на хорошем счету. Выдержанный, строгий. На заседания не опаздывал, и когда он был избран членом укома, ребята говорили:

— Ну, заслужил, — крепкий парень, на работе не выдаст.

В парткоме, с которым в одном доме был и уездный комитет комсомола, служила курьерша Маша. Полтора года, как она поступила в уком, и за это время в девушке произошло много перемен. Девушку приняли в ячейку комсомола и она несла нагрузку вожатого. Старики родные, местные обыватели, когда усталая, но веселая Маша приходила домой, тихонько ныли.

— Маш! А Маш! Пора и за жизнь взяться, ведь двадцать первый скоро. Девка ты ладная, особенно, когда мою шаль наденешь, — говорила старуха мать, — а то эта красная тряпка — страсть прямо! Василь Васильевич заходил опять, дома тебя все нету. Жалуется, говорит, что любит тебя. Мы со стариком не прочь, что же, он финансовый агент и у семьи домик, заживете-то как!

Но Маша не ходила гулять с финагентом. Не надевала марьяжной шали и, когда старики особенно раздражались, молчала. Только веселые искорки в глазах, которые зажигались в отряде среди пионеров, потухали. Маша молчала.

Но однажды вырвалось. На ячейке в прениях по докладу о новом быте Маша рассказала о своей жизни и сказала, что ей очень хочется уйти от семьи, чтобы жить одной, без сватовства и марьяжной шали. Глаза ее

разгорелись и от сильного волнения красная косынка полезла кверху. На этом собрании, тов. Щ., или просто Митя, обратил на нее внимание, и с этого началось. Митя был, кроме хорошего работника, еще и хорошим парнем. В повседневном товарищеском обиходе он был незаменим, его все любили.

После собрания Маша и Митя ушли вместе. Был конец мая. Несмотря на то, что собрание окончилось в девять, Маша пришла домой в час. На улице было почти светло и петух настойчиво кричал у сломанной двери курятника.

Дома было много крика, ругани. Но на этот раз у Маши глаза не туманились, и она долго не могла заснуть.

Потом по городу потекли слезы. Машу и Митю видели ночью в саду Карла Маркса и еще в Доме Советов, где жил Митя. Затем к матери Маши приходили старушки, тихонько вздыхали и сочувствовали. Митя ребята тоже сочувствовали.

— Девка, слов нет, хорошая, но активисту где же семьей обзаводиться. Сейчас тебя выдвинули на учебу в Москву, трудно одному прожить, а то еще с бабой!

В сентябре Митя уехал. Машу родители выгнали из дому.

— Еще девка растет и эта заразитя. Старшая сестра, а с комсомольцами блудом занимается.

Маша переехала к подруге и в январе родила. На ребенка денег нехватало. Митя не помогал, хотя всем было известно, что в деревне у Митинога отца было хорошее крепкое середняцкое хозяйство. В Москве же Митя получал хозстипендию и прирабатывал чертежами.

На письмо Митя не ответил. Когда Маша пошла к секретарю парткома, последний выслушал ее молча, барабая пальцем по облезлому столу:

— Умей кататься, умей и саночки возить. Это дело ваше личное. Ничего особо антикоммунистического в поступке Дмитрия не усматриваю, а аванса на кормежку не дам, потому — режим.

Аудиенция была окончена.

Маше кто-то посоветовал подать в суд.

Были каникулы, Митя приехал к себе в деревню, был вызван повесткой и на суд явился.

В холодном зальце бывшего постоялого двора у темного и грязного от пыли и зимних сумерек окна стоял красный стол, и здесь должна была разрешиться судьба Владилена — сына Маши.

Простуженный бас судьи:

— Ребенка, гражданин, признаете? Ваш?

Ответ:

— Нет.

Маша зашаталась, и узел красного платка жалобно запрыгал на затылке:

— Его, его! Митя. не ври, жить нечем...—и заплакала.

Колокольчик прорезал тяжкий запах судебного зальца.

— Тише, гражданка.

— Вот, гражданин судья, я был ответственным работником укома, а товарищ служила курьером. Я с ней не гулял и не жил. Все знают, что гулял другой, а так как гражданка заявляет, что она родила в последних числах декабря, то, следовательно, мы должны были бы.

по ее словам, сойтись в мае, а вот вам справка, что я в это время был на работе в волости и в город не приезжал.

Справка была приложена к делу, и в подлинности документа, выданного укомом ВЛКСМ, никто не сомневался. Маше в иске было отказано.

Тов. Щ. был хороший парень и хороший работник. Он вышел из зала с гордо поднятой головой. Ведь эти 15—20 рублей, которые пришлось бы отнимать от его заработка или брать из хозяйства отца, могут с большим успехом пойти на книги и, честное слово, тов. Щ. от прочтенных им книг будет больше пользы, чем от воспитания маленького Владилена.

Если бы Маша не была комсомолка, если бы в дело не вмешался прокурор, то все бы осталось шито-крыто. Однако, было выяснено, что, пользуясь своим служебным положением и той канцелярской халатностью, которая царит в некоторых наших уколах, тов. Щ. сам написал себе представленную в суд справку о своем пребывании в волости. После протеста прокурора дело было пересмотрено. Маша добилась возможности получать на содержание своего сына, а «активист» Щ. был привлечен к уголовной ответственности.

Сын пятерых отцов

В коридоре Рогожско-Симоновского нарсуда, как всегда, грязно, пыльно, скучено и плохо пахнет: не то домом предварительного заключения, не то вокзалом. Сутолока напоминает большой вокзал, колокольчик судьбы — звонок отправления. Защитник старается сделать прочувственное лицо, говоря о «революционных» доблестях частника-дровяника, обмывающего покупа-

теля фальшивой саженью. Люди спешат. Здесь у людей решается судьба.

В темном углу коридора компания молодых людей. Лица возбуждены не только от ожидания, но и от какой-то иной причины, может быть, очень высокого градуса. Это ребята с местного завода «Красный Плуг», свидетели по алиментному делу, а среди них и ответчик Васька Соколов. Цель свидетельских показаний—скомпрометировать истицу, потому что «она, стервь-Глашка, не только с ним гуляла, а со многими, подает же только на Ваську. А раз со многими гуляет, то нечего ей и на детей давать. А главное, что ребенок не Васькин, а коммунальный, пусть государство и воспитывает».

Сама Глашка ободрана и жалка. Востренький веснучатый нос жалобно никнет на грязную кофту. Ребенок пищит, судебный распорядитель предлагает ей выйти из зала в коридор. А в коридоре ребята, а раз ребята, то и насмешки.

— Ты, что ж, накотовалась! А с меня берешь.

Свидетели одобрительно хмыкают. Женщина жметесь к темному углу. Разговор в таком же духе продолжается. Долго и томительно тянется время, у ребят упало настроение. Женщина кормит грудью ребенка, и когда судья, наконец, вызывает: «слушается дело по иску гражданки Глафиры Щукиной к Василию Соколову об алиментах», женщина вздрагивает, застегивает кофту и торопливо пробирается между скамейками к красному столику.

Пятеро подошли сразу, надавив на стол разноцветными майками.

— Вы кто?

— Свидетели.

— Фамилии?

Секретарь записывает свидетелей, и они, предупрежденные об уголовной ответственности за ложные показания, выходят из зала.

— Ответчик, ваше имя, отчество и фамилия? Чем занимаетесь, сколько лет?

— Рабочий завода «Красный Плуг», Василий Соколов, получаю по 10 разряду, комсомолец, родился в 1904 году.

— Правду говорит гражданка Щукина, что вы отец этого ребенка?

— Нет, я отцом ребенка себя не признаю. Она со всеми, а я отвечаю. Вот тут свидетели...

— Вы были с гражданкой в близких отношениях?

— Один раз... с пьяна...

— Вы пьете? — нарзаседатель, девушка с комсомольским значком, строго и серьезно взглянула на ответчика.

— ...Да, то-есть нет! Не помню, она сама ко мне лезла.

— Вас суд спрашивает, вы жили с этой гражданкой? Говорите суду правду.

— Ну, я же говорю, один раз только. Вот Витька скажет. Витька сам с ней около года жил.

— Распорядитель, позовите свидетеля Виктора Смолина!

Виктор был весел и развязен, подойдя к судейскому столу, развалился на нем локтем и начал:

— Гражданин судья, вы меня простите, но эта Глафира — потаскуха...

— Свидетель, вам не дано право оскорблять истицу, потрудитесь выражать свои мысли приличным образом.

— ... гуляющая девка, у нас с ней каждый спал.

— Гражданин Смолин, вы находились в половой связи с истицей и в какое время?

— Будто я помню. Было дело, чего уж это таить!

— А ребенок это ваш?

— Что вы, гражданин судья, это Васькин. Она на него подает, а я тут совсем не при чем.

— Позовите следующего свидетеля!

Еще три раза повторяется почти что аналогичная история первого свидетеля.

Судья обращается к истице:

— Почему же вы, гражданка, подаете на Василия, ведь в период зачатия вы жили не только с ним?

Глафира молчит.

Нарзаседательница-комсомолка делает строгое лицо.

— Как вам, гражданка, не стыдно, ведь вы же бывшая работница, женщина, как вы могли до этого дойти! Скажите нам вашу жизнь, где вы живете, что делаете?

— Я из деревни в 17 году девченкой приехала в прислуги. Потом, когда голод стал, меня рассчитали, за хлебом ездила. Возила... Потом поступила работницей на завод. Тут ребята стали приставать... — всхлипывание — Потом сократили, говорят — из-за тебя один скандал идет. В общежитии жить осталась. Днем постираешь, а вечером ребята ко мне ходили, свои с завода, вот и эти тоже.

Плачет Глафира, ребенок на руках тоже плачет.

Ответчик и свидетели стоят, переминаясь с ноги на ногу. Суд уходит на совещание и в зале начинаются дебаты, в которых принимают участие все присутствующие.

А рядом в маленькой совещательной комнате среди папок дел решается судьба ребенка.

— Поскольку товарищи все признают, что жили с ней, они могут являться отцами ребенка, нужно взыскать со всех пятерых, — говорит судья.

— А каково будет ребенку? Сын пятерых отцов, были бы вы на его месте, Иван Петрович, — говорит нарзаседательница-комсомолка.

— Мало ли, что неприятно, зато ребенок получит больше денег на свое воспитание.

Второй нарзаседатель, старик рабочий, соглашается с судьей и комсомолка после некоторых колебаний присоединяется к ним.

— Взыскать со всех пятерых.

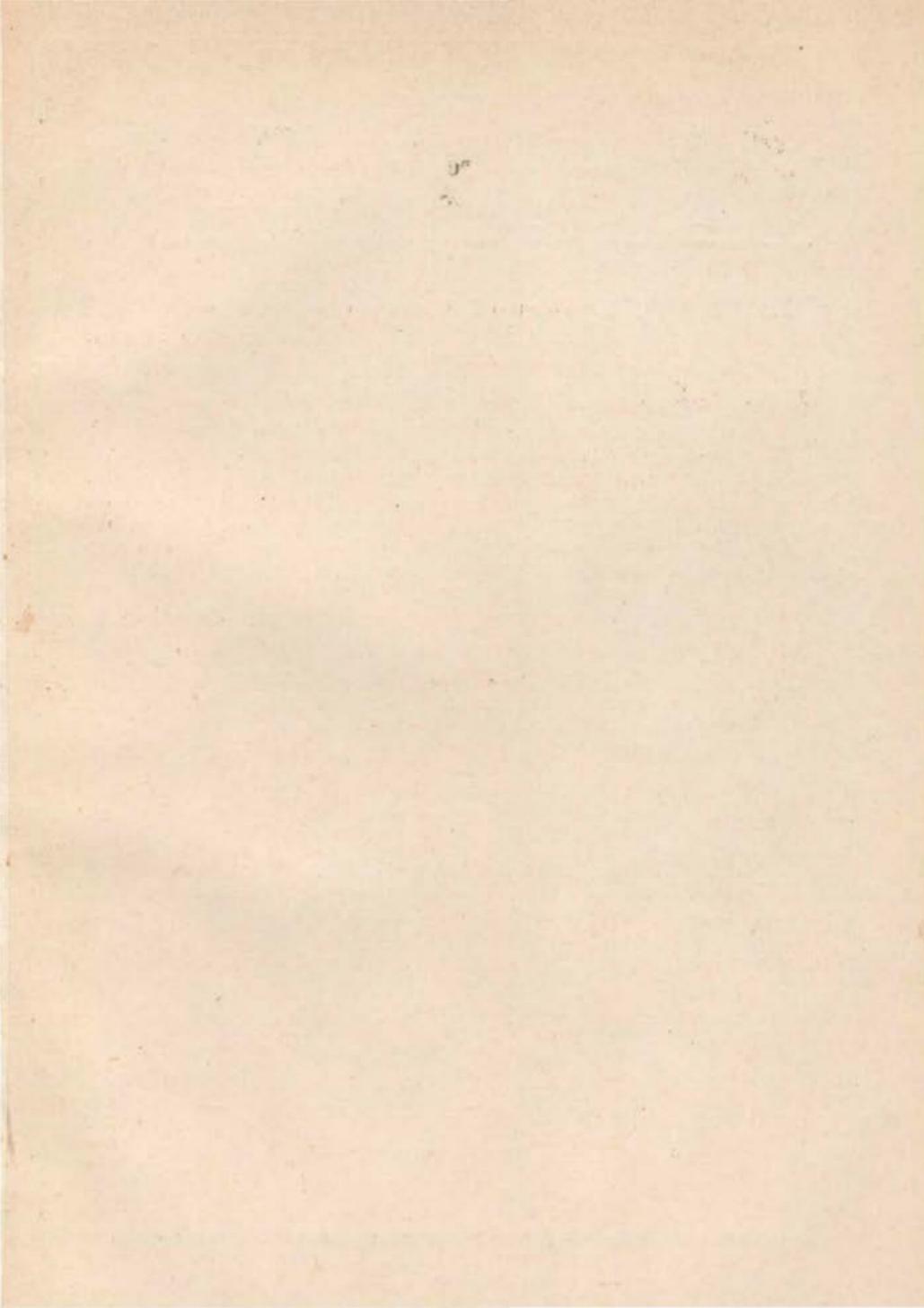
При дальнейшем обсуждении решения опять возникает разногласие. Старик-нарзаседатель и судья за передачу ребенка в детдом.

— Она его не сможет воспитывать, оборотом вырастет.

Но здесь комсомолка не сдается:

— Я сама видела, как она заботливо относится к нему, это будет несправедливо, мы не можем лишать женщину ее права материнства.

Ребенок остается у матери. Суд выносит дополнительное определение о том, чтобы районные органы охраны материнства и младенчества следили за воспитанием ребенка.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
 „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, 6

КУМЫКИН, Н.—Народный суд и его работа.

48 стр. Цена 5 коп.

ХАЛЕЦКИЙ, А.—Законы об аренде земли.

Содержание: Решения III Съезда Советов СССР. Аренда земли до III Съезда Советов СССР. Решение III Съезда и инструкция Наркомзема об аренде земли. Аренда должна быть трудовая. Арендованную землю надо хозяйски обрабатывать. Общая аренда земли. Кто кулак? Земли крестьянских обществ. Земли из государственного фонда. Спекуляция арендованной землей преследуется законом. Сделка по аренде земли.

20 стр. Цена 12 коп.

ТУМСКИЙ, Б.—Как делится земля и имущество при семейных разделах. Советские законы о семейных разделах в деревне.

56 стр. Цена 20 коп.

СИЛЬВЕСТРОВ, Н.—Земельные права женщины. („Библиотека девушки крестьянки“).

Содержание: Предисловие. Права крестьянки. Женщина во дворе, как трудовом хозяйстве. Женщина в семье. Участие женщины в землеустройстве и земельном суде. Заключение.

31 стр. Цена 15 коп.

ГРИГОРОВ, Г. и ШКОТОВ, С.—Старый и новый быт.

Содержание: Предисловие А. В. Луначарского. Глава I—Вопрос изучения быта. Глава II—Быт буржуазного общества. Глава III—Быт переходного периода. Глава IV—Революция и быт молодежи. Глава V—Существует ли proletарская этика. Глава VI—О „любви“ и браке. Заключение.

181 стр. Цена 1 руб.

2007337489